

ГЕННАДИЙ КОРЖОВ,

*кандидат социологических наук, доцент Маке-
евского экономико-гуманитарного института*

**Региональная идентичность Донбасса:
генезис и тенденции развития в условиях
общественной трансформации**

Abstract

The article analyzes processes of regional identification in Donbass. The major factors determining the increase in the feelings of belonging to an imagined community based on the commonality of territory are identified. The shared socio-cultural experience, similar value attitudes, and way of living are the most significant among them. One may conclude that the rise of regional identity in Donbass was concomitant with the consolidation of the oligarchic model of government and the patron-client model of social organization hinged upon unequal distribution of power and resources.

Вступление

Радикальные социальные изменения в Украине конца XX — начала XXI веков привели к глубокому кризису в сфере конструирования и поддержки социальных идентичностей. Фундаментальные преобразования охватили в первую очередь сферу политико-государственных и национально-этнических отношений. Появление новых государственно-политических образований обусловило процесс пересмотра всей системы категоризации окружающего мира и места в нем индивидов и социальных групп.

Одной из важнейших форм социальной адаптации к новым общественно-политическим реалиям стало формирование и усиление региональной идентичности на отдельных территориях, отличающихся устойчивой историко-культурной, экономической и социальной спецификой, в частности на территории Донбасса. В течение двух последних избирательных кампаний 2004 и 2006 годов наблюдалась беспрецедентная политическая мобилизация избирателей этого края на почве актуализации региональной идентичности. Определяющую роль в этом процессе, по мнению автора, сыграли не столько интересы, сколько символы и идентичности.

Бурные политические события, связанные с проведением этих выборов, вызвали живой интерес к проблемам регионализма и региональной специфики отдельных территорий с их жителями. Нынешние культурно-цивилизационные коллизии в Украине требуют основательного переосмысления общественных ценностей, что предполагает анализ духовных, социокультурных и исторических корней как Запада и Центра Украины, так и индустриальных восточных регионов государства. Речь идет о необходимости осознания — властями и общественностью — специфичности и важности для Украины базовых старопромышленных регионов, в частности Донбасса как наиболее индустриально сильного края со своей историей, лингвистическими, этническими и ментальными особенностями, образом жизни и сознанием людей, идентичностью, которые несмотря на значительные изменения в течение полутора веков не утратили своей специфики. Анализируя проблемы этого региона, необходимо постоянно учитывать инерционность общественного сознания, консервативность жителей этой местности, что, с одной стороны, вызывает раздражение европейски настроенных аналитиков, а с другой — заставляет задуматься над мифами Донбасса — его якобы пророссийскостью и враждебностью к украинской культуре и языку. Пророссийскость Донбасса до сих пор остается одним из патентованных мифов самоидентификации, господствующих в политическом дискурсе. На нее указывают охотнее всего и к ней апеллируют как к чему-то само собой разумеющемуся, когда говорят о специфичности и своеобразии этого края. К сожалению, в данном контексте трудно объяснить, как в пророссийски и просоветски настроенном пространстве появились жемчужины украинской истории и культуры, утвердился гениальные украинские личности В.Стус, И.Дзюба, С.Принцевский и другие менее известные, но не менее талантливые литераторы, поэты, деятели украинской культуры, которые воспитывались на национальной почве, говорили и творили на украинском языке. Размышляя над живучестью таких искусственных образований в общественном сознании, нужно отдавать себе отчет в том, что наше общество в целом продолжает пребывать в плену определенных колониальных стереотипов, препятствующих содержательному и непредвзятому философскому, социологическому, политическому и историческому анализу прошлого и настоящего региона. Именно такой анализ мог бы помочь найти логику в современной политической и мировоззренческой позиции жителей края, отделить субъективные интересы от объективных реалий, сложное и многоаспектное восприятия действительности от упрощенного и одномерного, существенное от несущественного, концептуальное от поверхностного.

Региональная идентичность в социологическом измерении

Несмотря на наличие в стране ощутимых региональных размежеваний и опасные последствия использования их в политической борьбе, проблема формирования и существования региональных идентичностей пока не стала предметом всестороннего рассмотрения в отечественном социологическом или культурологическом дискурсе. Научная интерпретация этого непростого феномена еще на начальной стадии. До сих пор было очень мало материалов, посвященных попыткам объяснить и понять механизмы, приводящие к формированию особенностей региональной идентичности, вызывающих ныне наибольший резонанс в обществе.

Одну из первых попыток осуществить научный анализ проблемы идентичности в украинской социологии находим в коллективной работе середины 1990-х годов [1]. В этом исследовании по проблемам идентификационных практик на этапе социальной трансформации основное внимание уделено соотношению между идентификацией и ее продуктом — идентичностью, с одной стороны, и изменениями в социальной структуре — с другой. Представляя результаты эмпирических исследований, авторы затрагивают проблемы регионализации идентификационных практик, указывая при этом, что региональная идентичность на Юге и Востоке выполняет компенсаторную функцию, заменяя для многих жителей уже утраченную и пока еще не приобретенную новую государственную идентичность [1, с. 166]. Почти все измерения идентичности свидетельствуют о полемическом применительно к украинскому государству характере донбасской идентичности в середине 90-х годов прошлого века, что отразилось в более негативных оценках многих изменений, происходивших в то время в Украине [1, с. 166–172]. Однако в упомянутой работе еще нет подробного анализа интересующего нас феномена, впрочем, авторы и не ставили перед собой таких задач.

В последних исследованиях содержится обоснованный анализ социокультурной специфики региональных различий на основе серьезного социологического материала, полученного в ходе репрезентативного для населения всей страны опроса [2]. Авторы пытаются представить пеструю картину региональных идентичностей на основе изучения коллективного и индивидуального сознания в трех темпоральных измерениях — оценках прошлого в исторической памяти, в трактовке настоящего и в ожиданиях на будущее. Таким образом, был сделан вклад в изучение социокультурной спецификации регионов Украины с точки зрения отношения населения к трем модусам времени [2, с. 124].

В иных случаях, когда проблема регионализма и региональных идентичностей становилась предметом целенаправленного рассмотрения, исследователи отмечали сложность и многомерность этого феномена. В частности, крымский политолог Андрей Мальгин в книге “Украина: соборность и регионализм” (2005) подчеркивает, что региональные идентичности существенно отличаются по происхождению и характеру [3]. Например, в Шотландии и Уэльсе они представляют собой возрожденное архаичное самосознание доанглосаксонских жителей Британских островов — кельтов — и базируются на этнических особенностях. В других случаях региональные идентичности могут иметь субэтнический характер, когда касаются части более широкого этнонационального сообщества (например, баварцев в рамках немецкой нации). Еще одна разновидность регионального самоотождествления базируется на своеобразии социально-экономических условий развития и образа жизни. Именно таковы основания идентичности жителей Юга и Севера США и Италии [3, с. 199–200]. А результаты недавних парламентских выборов в Италии не только ярко очертили границы деления по географическо-историческому признаку, но и придали этому делению политико-идеологическую окраску: Юг голосовал за лево-центристов, а Север — за консерваторов. При всем различии в содержании и путях формирования региональная идентичность базируется на существенных отличиях культурного, языкового, хозяйственного, исторического или религиозного характера между регионами в рамках единого государственно-политического строя.

По мере нарастания политической напряженности во время двух последних избирательных кампаний наблюдалась и определенная концентрация усилий научного сообщества на исследовательском поле идентичностей. Однако характер содержания анализа оставался преимущественно публицистическим. Это не исключает того, что наблюдения некоторых авторов не были лишены оригинальности, меткости и исторической обоснованности [напр., см. : 4].

Говоря о донбасском региональном сообществе, мы имеем в виду некое воображенное сообщество, по Б.Андерсону [5]. Воображенное сообщество не обязательно должно быть нацией. Действительно, всякое большое сообщество, члены которого ощущают свою близость и принадлежность к нему, но не имеют возможности для непосредственного общения с остальными его представителями, является воображенным. Например, такими могут быть лингвистическое, профессиональное, религиозное и даже региональное сообщества.

Под *региональной идентичностью* понимают восприятие индивидом себя как представителя определенного “воображенного сообщества”, базирующегося на единстве территории проживания, социально-культурного опыта, ценностных ориентаций и образа жизни. Согласно другому определению, это “системная совокупность культурных отношений, связанных с понятием “малая родина”” [6, с. 13].

Эта разновидность идентичности обладает свойствами партикулярности и конкурирует с более универсальной, общенациональной — этнической или политической — идентичностью. Региональные идентичности в том или ином виде сформировались на разных территориях трансформирующихся стран и являются весьма распространенным явлением в условиях интенсивного и длительного взаимодействия различных культур, цивилизационных моделей, экономических и социальных систем. Разновидность идентичности, присущая странам постсоветского пространства, имеет общие типологические признаки и по многим аспектам является проявлением традиционного общества с патриархальными взаимоотношениями и вертикальной системой господства. Вместе с тем региональные идентичности существенно различаются по происхождению и содержанию.

Показателен в этом контексте пример Донбасса. В пределах этого региона постепенно выстраивается специфическая модель региональной идентичности, имеющая ярко выраженную мировоззренческую составляющую, полемическую относительно украинской государственности. Подъем региональной идентичности в Донбассе происходил постепенно, по мере укрепления олигархической формы правления, усиления авторитарных и патрональных тенденций в социальной жизни края. Именно здесь наибольшее распространение получили патрон-клиентельные формы социального взаимодействия, построенные на неравноправных отношениях и подчинительной зависимости в условиях концентрации невиданных ресурсов в руках узкого слоя правящей элиты.

Наряду с этим необходимо учитывать амбивалентность, неоднозначность социального содержания и последствий такой выраженной региональной идентичности. В каком-то смысле это черта культуры укорененности, противостоящей культуре мобильности. Последнюю многие исследователи рассматривают в русле концепции модернизации как необходимую предпосылку успешного развития, поскольку она придает социуму необходимый

для реализации назревших изменений динамизм, способность к качественным изменениям, подвижность как в социальном, так и в пространственном смысле. То есть при таком подходе укорененность предстает как элемент культуры традиционализма и рассматривается, согласно идеям ранней теории модернизации, как препятствие на пути социально-экономического развития. Однако данный подход отмечен рядом упрощений, от которых отказались представители самой школы модернизации на более позднем этапе развития этого направления общественной мысли. Поэтому изложенная выше точка зрения не является неоспоримой и даже доминирующей.

Некоторые исследователи допускают, что в современных условиях региональная идентичность может формироваться на нетрадиционных основах, на базе качественно новых локальных субкультур, путем преодоления экстенсивной культуры и традиционного общества. Это мнение изложено в работе известного российского исследователя О.Шкаратана [7]. Другие вообще считают, что чувство оседлости является показателем морального здоровья и высокой духовной культуры населения.

Вместе с тем в современной социологической и культурологической литературе наблюдается тенденция к снятию противопоставления между культурой укорененности и культурой мобильности и попытки рассматривать их не как взаимоисключающие и разные по своему социальному значению, а как равнозначные и взаимодополняющие. Рассматривая их в таком ракурсе, российский исследователь М.Крылов предлагает выйти за рамки обсуждения региональной идентичности в терминах дихотомии “традиционализм — модернизм” и определять ее как “волю к жизни и развитию на данной территории”, а идентичность в целом — как “способность к социокультурной, гражданской и экономической активности” [6, с. 14]. Подобное отождествление идентичности с активностью представляется не совсем обоснованным, поскольку сама способность к такой активности определяется как силой, так и содержанием идентичности.

Исторический опыт как фактор региональной идентификации

Независимо от того, как оценивать исторический опыт сосуществования разных этнических групп и культур в Донбассе, следует признать, что последние президентские и парламентские выборы закрепили определенные общественно-политические и ментальные доминанты среди жителей этого края. Большинство украинских экспертов, интеллектуалов, политиков, людей с разным образованием и мировоззренческой ориентацией с уверенностью утверждают о формировании тут сильной региональной идентичности. Для лучшего понимания истоков современной региональной идентичности жителей Донбасса необходимо обратиться к исторической памяти людей. Важно помнить, что Донбасс в течение двух веков был “плавильным котлом”, в котором смешались языковые, религиозные и культурные явления. Регион исторически находился под влиянием разных культур, принимая поселенцев со всей бывшей Российской империи — людей, чьей судьба вынуждала бежать со своих мест ради заработка тяжелым физическим трудом. Нередко тут поселялись люди из мест лишения свободы — с криминальной и полукриминальной психологией. Русский язык и авторитарно-криминальный тип городской ментальности были факторами адаптации в этом регионе. Этнические процессы в Донбассе XIX–XX веков

можно сравнить с “американским котлом”, где у оторванного от национальных корней, в значительной мере люмпенизированного элемента нивелировалась этническая самоидентификация.

В отличие от европейских городских образований, Донбасс не прошел этапа “городского ренессанса”. Город в Донбассе — это типичный продукт запоздалой модернизации в условиях гипертрофированной индустриализации. Даже внешне донбасские города мало чем отличаются от сел и поселков. Более того, сам образ жизни является промежуточным между городским и сельским. Все это указывает на незавершенность процессов модернизации. Общество не могло приспособиться к очень быстрым изменениям в процессе индустриализации, не успело сформировать и укрепить институты, модели поведения и системы социальных норм, которые бы соответствовали зрелой стадии модернизации. То есть по своему внутреннему содержанию модернизация в Донбассе осталась незавершенной, неполноценной, выхолощенной. Донбасс как бы застрял в XIX веке по социально-нормативным и ценностным ориентациям, жизненным ориентирам и образу жизни.

Процессы индустриализации, связанные прежде всего с развитием угольной промышленности, обусловили специфику этого региона, о чем подробно писал японский историк Гироаки Куромия в книге “Свобода и террор в Донбассе” [8]. Процесс освоения края он сравнивает с американским Диким Западом со сложными условиями жизни, нищетой, постоянной опасностью для жизни, связанной с особенностями труда шахтера и металлурга, безжалостной эксплуатацией и почти полным отсутствием социокультурной среды. Все это создавало определенную социально-психологическую атмосферу, в которой происходило формирование региональной идентичности, и, по утверждению исследователей, это продолжает оказывать влияние на поведение современных жителей Донбасса, в частности на их электоральные предпочтения [9]. В отличие от европейского опыта, где органично создавались структуры гражданского общества, утверждался в пределах солидаристского пространства городского самоуправления автономный от внешних авторитетов и давления граждан, в Донбассе мы наблюдаем кардинально иную ситуацию. Тяжелый физический труд, постоянное ощущение опасности, примитивный быт, принудительные формы социальности формировали определенный тип личности — принципиально отличный от западного. Доминантными чертами такого человека были примитивное потребление, подхалимство, императивы подчиненности и карьерных измерений существования.

Отсутствие традиции европейских городских ценностей становится понятным, если учесть, что длительное время крупнейший город Донбасса полностью принадлежал компании Юза. Это предприятие владело всей землей, всем жилищным фондом, а любая коммерческая активность была возможна только с разрешения его полукриминальной структуры “Новороссийское общество”. Именно оно, а не граждане города, регулировало все аспекты муниципальных служб, от организации торговых операций до уборки мусора и обеспечения углем. Население края не участвовало в муниципальной деятельности, не выбирало власть и не было заинтересовано в поддержании порядка в городе, налаживании водоснабжения и поставок угля. Население так и не стало гражданским обществом, ответственным как за свою судьбу, так и за судьбу края.

С одной стороны, власть во все времена воспринималась здесь как эквивалент силы, которая должна держать людей в состоянии клиентельной

подчиненности и преданности, а с другой — и само общество, угнетаемое невыносимыми условиями бытия, безразлично относилось к гражданской автономности и общественной активности. Как известно, первая библиотека в Донбассе начала работать только в 1905 году, а первые автономные общественные организации — в 1917-м, но и они просуществовали недолго и были уничтожены коммунистической системой. Последствием жесткого контроля со стороны власти было то, что жители региона так и не выросли в ответственных граждан, не получили опыта управления собственной жизнью. Люди здесь не были свободными ни в профессиональном, ни в муниципальном, ни в личностном измерении. Оказавшись в Донбассе, индивид обычно быстро ассимилировался, забывал, откуда приехал, а главное — его раздавливала фабрично-заводская система, и он утрачивал личностно-экзистенционное восприятие мира, становился винтиком системы.

В 30-е годы XX века окончательно сформировался внутренний типаж жителя края — образ человека, озабоченного лишь заработком, не имеющего собственной истории и традиций, устойчивых гуманистических ценностей, настроенного на приоритет материальных ценностей над идеальными и духовными. Такой человек с весьма искаженными установками создает вокруг себя определенную маргинальную культуру, которая, с одной стороны, маркирует обособление здешних жителей от традиций и ценностей других культур, а с другой — является утверждением специфического измерения существования в плоскости бытийно преходящего, отчуждения людей от творческого труда, власти, культуры, истории. Речь идет об образовании граничной культуры с очень сильным территориальным компонентом — региональной идентичностью, которая для людей оказывается гораздо более весомой по сравнению с другими идентичностями. Место проживания становится главным критерием осознания себя и своего соотношения с другими. Утверждение региональной идентичности происходит на фоне общего эмоционального стресса людей от постоянных рисков для жизни практически во всех сферах. Человек чувствовал себя в постоянной опасности — из-за политических репрессий, которые затрагивали практически все общественные группы, и из-за смертельной угрозы в угольном и металлургическом производствах и в химической промышленности. Чувствуя непрерывные угрозы с разных сторон, житель Донбасса становится склонным к определенной мобилизации, базирующейся не на устойчивых измерениях человечности, а на упрощенном осознании действительности, извращении человеческих ценностных установок, на конъюнктурном приспособлении к конкретным мифам, навязываемым в свое время советской властью. При таких жестких условиях жизни нечего было и думать о ростках настоящей свободы, духовного творчества и гуманизма. Вместо этого налицо многочисленные случаи бытовой жестокости и насилия над женщинами, доносов на коллег и соседей ради даже мелкой выгоды. Отдельные случаи такого рода в 1930-е годы становятся тенденцией. Масштабная индустриализация, происходившая в 30-е годы XX века, наложила неизгладимый отпечаток на жителей края. «Первоначально культ мощной промышленности затенял все остальные ценности. Микромир шахты или завода, которые вырабатывали материальные ценности, «перемолол» всякие религиозные мифы, народные легенды и идеалы» [10].

В результате политики коллективизации даже украинское село, которое в Донбассе долгое время служило основой духовной традиции, меняется. Ценности человеческой личности и человеческой жизни нивелируются.

В 1930-е годы на этом жестоком общественном фоне формируется понятный и единственно приемлемый для большинства жителей региона советский способ бытия, предполагавший закрепление в сознании людей единственно возможной формы государственного патернализма, призванной защищать их от внутренней распухлости, жестокости и бессилия.

Отдельной гражданской личности тут не существовало, а ценность человеку придавала только причастность к корпоративному, групповому и властному интересу. Именно отсутствие автономных измерений существования, свободы во всех ее проявлениях исторически привело к постоянному поглощению регионального общества местной властью, которая, впрочем, сама была заложницей власти центральной. В решающей степени властные рычаги поначалу зависели от Москвы, а позже, уже во времена независимости, от Киева.

С другой стороны, центральная власть, особенно в 60–70-е годы XX века, предоставляла Донецкому региону благоприятные возможности для развития в рамках советской системы. Донбасс официально считался привилегированным краем, витриной социализма. Здесь относительно быстро продвигалась очередь на жилье, хватало рабочих мест со сравнительно высокой зарплатой. Очевидно, это привлекало полуголодный городской и сельский пролетариат как из Украины, так и из других регионов СССР. Советские привилегии развращали не только рядовых граждан, но и власть. В советской иерархии выходцы из Донбасса занимали довольно высокое положение, гораздо выше, чем, скажем, украинцы в западном регионе. Это положение обуславливалось не какой-то особой толерантностью советской власти к жителям Донбасса, а тем простым фактом, что империя не считала их другими. Расположение со стороны центральной власти было своеобразной платой за лояльность, за возможность использовать и поддерживать в обществе те или иные советские идеологические клише, в том числе и о «важности для великой страны социализма пролетарского региона». А те, кто не попадал под конкретные идеологические параметры, оказывались в числе врагов народа, которых жестоко преследовали и уничтожали.

Несмотря на тотальный контроль советской империи и местной власти над образованием, печатью, публичными выступлениями, оказалось, что для борьбы с украинским дискурсом в Донбассе длительное время не хватало достаточных интеллектуальных ни советских, ни российских сил и традиций. В интеллектуальной среде Донбасса в начале 1960-х не существовало прочных альтернативных украинским культурных достижений — русских, греческих или еврейских, которые могли бы стать определяющим фактором развития культуры и духовности в Донбассе. Поэтому переезд Дзюбы и Стуса в Киев, уничтожение властью и спецслужбами литераторов и поэтов, которые начали группироваться вокруг филологического факультета, привели к упадку духовной гуманитарной составляющей региона, к его культурному вырождению. Тонкий слой еврейской интеллигенции, которая осталась в Донецке, был частью общеимперского духовного дискурса. Украинская Катакомбная культура, существовавшая в Донецке в 50–60-х годах XX века, была заблокирована и истреблена колониальной системой, и шок от этого интеллигенция края ощущает до сих пор. Свидетельство тому — проявления отторжения интеллектуалов Донбасса от вопросов образования, воспитания, духовности, тенденция придерживаться официальной точки зрения. В обществе распространен подданный социальный тип, ориентированный на

бюрократические формы социальности и служения власти. В Донбассе формируется идеальный советский тип преданности, а чиновники и рядовые граждане обычно становятся исполнителями воли центра. Подобно социальности стран Востока общество делит людей на высших и низших. Первые принадлежали тогда к руководящему слою коммунистической системы и имели право существовать отдельно от общества, будучи неподотчетны ему, а вторые были бесправными и покорными исполнителями. Представителями этой системы были практически все руководители региона, начиная с 30-х годов и до наших дней. То же касается и представителей деловой элиты, которые сейчас приближены к властным рычагам и даже контролируют их. Они исторически сформировались как люди, равнодушные к идеологическим предпочтениям, имеющие весьма размытые политические и экономические взгляды, далекие от цивилизованных форм рыночного хозяйствования. Региональная власть не одно десятилетие ретранслирует советско-технократические методы управления, избегает политико-публичных цивилизованных принципов, отдавая предпочтение закулисным договоренностям и упрощенным формам взаимоотношений с обществом.

Можно говорить о том, что Донбасс в 1970–1990-е годы постепенно превратился в типичную советскую провинцию, с примитивными формами быта, с процветающими патронально-клиентельными отношениями, очень напоминающими феодальные формы взаимоотношений. Впрочем, если присмотреться, то, в отличие от классического феодализма с его правовыми плоскостями взаимозависимости вассала и сюзерена, в Донбассе еще с советских времен существует классическая внеправовая система, где господствует только власть силы. В регионе в течение десятилетий не было создано гражданской и культурной почвы для развития “модульной личности” (по терминологии Э.Гелнера) — человека гражданского общества. После распада Советского Союза власть в Донбассе утратила даже минимальную социальную ответственность перед его жителями, а вместо территории с советской ритуальной символикой образовалась криминальная территория, функционировавшая вне параметров морали и законности. Эта территория привыкла жить по собственным законам — выгоды для отдельного круга лиц. В ней нет уважения к достоинству рядового человека, и можно обнаружить лишь ростки гражданского общества. Вместо модульного человека и гражданина наиболее типичной в Донбассе остается фигура покорного исполнителя, способного выполнять волю хозяина.

Интересные эмпирические материалы, которые подкрепляют приведенные выше тезисы относительно региональной специфики социальных идентичностей, содержит компаративное исследование двух контрастных городов Украины — Львова и Донецка. Сбор данных имел длительный характер и проводился тремя волнами — в 1994, 1999 и 2004 годах. Было обнаружено, что в отличие от Львова, где в течение всего десятилетия самой важной оставалась национальная идентичность, в Донецке на первой позиции неизменно оказывалось ощущение локальной принадлежности. Более того, локализм в самоотождествлении жителей восточного мегаполиса имел тенденцию к возрастанию: если в 1994 году почти 56% горожан ощущали себя в первую очередь донетчанами, то десять лет спустя такую идентичность демонстрировали уже около 70%. Следует отметить, что отождествление себя с украинцами изменилось здесь несущественно в сторону увеличения — с 39% в 1994 году до 43% в 2004-м, однако параллельно и быстрыми темпами уменьшалась рас-

пространенность русской идентичности — с 30% до 21% соответственно. И так, несмотря на выраженную тенденцию к регионализации социальной идентичности, жители Донецка все же воспринимают себя в большей мере представителями украинского народа, нежели русского. Вместе с тем наиболее существенно уменьшилась доля донетчан с выраженной советской идентичностью (40%, 22% и 10%), а в иерархии групповых идентичностей она за десятилетие переместилась с третьего на тринадцатое место [11].

Но несмотря на такие важные изменения, другие данные свидетельствуют о сохранении в общественном сознании донбассцев целого ряда ценностных ориентаций, типичных для *homo sovieticus*. В частности, речь идет об укоренившемся в советский период патернализме в отношении к государству, о безоговорочной вере в государство, возложении на него функций по обеспечению всех необходимых благ и социальных гарантий. В одном из последних исследований общественного мнения жителей Донецкой области¹ оказалось, что патерналистские установки остаются важной частью мировоззрения донбассцев. Более трети жителей края (37%) придерживаются взглядов радикально-государственнического патернализма, полагая, что государство несет *полную* ответственность за благосостояние своих граждан. Еще 45% высказывают умеренные взгляды на роль государства, которое, по их мнению, должно обеспечивать социальные гарантии нетрудоспособным и необходимые условия для самореализации трудоспособным. Доля тех, кто придерживается активной и ответственной жизненной позиции, признавая, что каждый человек сам несет ответственность за собственное благополучие и за благополучие своей семьи, крайне незначительна — меньше 14%. О низком уровне социальной зрелости свидетельствуют также оценки жителями области своей способности управлять собственной судьбой. Так, менее четверти донетчан чувствуют себя хозяевами собственной жизни.

Социологические исследования, базирующиеся на опросах общественного мнения, свидетельствуют об определенном постоянстве мировоззренческих позиций и ценностных ориентаций, присущих жителям Донетчины. В частности, с начала 90-х годов XX века, то есть с момента провозглашения украинской независимости, постоянно отмечается более высокий, чем в целом по стране, уровень неудовлетворенности населения политической и экономической жизнью, тем, в каком направлении движется общество. Кроме того, для жителей Востока Украины характерно большее недоверие ко всем социальным институтам, в первую очередь государственным, а также меньший уровень поддержки украинской независимости. Например, в 2004 году соотношение между теми, кто доверяет, и теми, кто не доверяет парламенту, на Львовщине составляло 11% : 44%, тогда как на Донетчине — соответственно 5% : 75% [12, с. 259]. В общем все это свидетельствует о слабой идентификации населения Донбасса с украинским государством в сочетании с неудовлетворенностью развитием событий в стране. Это не только делает проблематичной возможность в ближайшем будущем создать единую политическую или гражданскую нацию, но и представляет опасность для самого существования государства.

¹ Здесь речь идет о результатах социологического исследования “Донетчина — январь 2006”, проведенного Донецким институтом социальных исследований и политического анализа 20–31 января этого года. Было опрошено 1107 респондентов в 27 населенных пунктах Донецкой области, в том числе в 12 городах и 15 селах. Выборка репрезентативная для взрослого населения области. Предельная погрешность выборки составляет 3,0%.

Патрон-клиентелистская модель общественной организации как фактор самоидентификации

Разные исследователи, как отечественные, так и зарубежные, отмечают, что жителям региона всегда была присуща тяга к свободе. Но это была своеобразная свобода. Она больше походила на анархический бунт против невыносимого принуждения, на то, что Исая Берлин назвал “негативной свободой” [13]. В работе “Две концепции свободы” философ предложил различать свободу негативную и позитивную. Если первую следует понимать как способность действовать самостоятельно, без внешнего принуждения, препятствий и боязни быть наказанным, то вторая состоит в способности самоуправления. В условиях еще свежего в памяти острого политического противостояния во время президентских выборов 2004-го установка на негативную свободу получила выражение в краткой, но содержательной формуле: “Донбасс никто и никогда не ставил на колени”.

Для этой свободы больше подходит определение “вольность”, которое русский исследователь Н.Лапин использует для анализа ценностей в современной России [14]. Он противопоставляет такую вольность собственно свободе, которая предполагает наличие широкого выбора возможностей, неразрывно связанного с внутренним самоконтролем, ответственностью и учетом интересов других людей. В отличие от свободы вольность — это скорее анархия, неподконтрольность, вседозволенность. В таких условиях интересы и свобода других не учитываются, а то и вообще становятся помехой. Вот почему такое состояние общества превращается в войну всех против всех, по Томасу Гоббсу, в царство аномии, или “безнормности”, то есть в такое состояние общественного сознания, при котором отсутствуют общепринятые нормы регулирования поведения. Как правило, такая ситуация возникает во времена радикальных социальных изменений, вроде развала Советской империи, когда старые механизмы социальной интеграции уже разрушены, а новые еще не сформировались. Как свидетельствует опыт постсоветской Украины, состояние аномии может приобретать угрожающие масштабы, приводя к глубокой моральной и духовной деградации общества. По точному выражению известного немецкого социолога современности Ральфа Дарендорфа, “аномия — это тот момент, когда самая большая свобода превращается в самую большую несвободу” [15, с. 32]. В состоянии аномии на первый план выходят культ силы, угнетение слабого, неуважение к нормам морали и права, наглость и цинизм. Всевластие сильных соседствует с бесправием слабых, неуважение к закону возводится в принцип, а криминальные авторитеты становятся авторитетами общезначимыми. Культ силы и любовь к блатному фольклору стали общеукраинским явлением, но в Донбассе получили особый размах.

Истоки этой формы свободы-вольности нужно искать в исторических тенденциях формирования края, в специфических особенностях его заселения и индустриализации, о чем мы говорили выше. Именно эти особенности породили те условия повседневного существования дома и на работе, в частной и публичной сферах, которые отличали этот край с начала индустриализации. Промышленность и тяжелый труд играли важную роль как критерии идентификации. В то же время неуважение к людям умственного труда как неполноценным, неприспособленным к жизни, малополезным, возникшее на заре промышленного освоения края, остается почти таким же

острым и сегодня. В сложных условиях повседневной жизни не оставалось времени для философских размышлений о смысле человеческого бытия и для гуманистических созерцаний. Здесь всегда ценились люди дела — суровые, прямые, но по-своему благородные.

В то же время ограниченность гуманитарного компонента, чрезмерный технократизм и прагматизм жизненных ориентиров часто оборачивались злой шуткой против свободолобивых жителей края. Неоднократно их склонность к независимости использовали те, кто преследовал корыстные интересы. Показательны в этом плане шахтерские забастовки конца 80-х — начала 90-х годов XX века, на волне которых хорошо нагрели руки “красные директора”, “шахтерские бароны”. Эти же свободолобивые настроения умело использовались “хозяевами края”, лидерами финансово-промышленных групп на более поздних этапах современной истории.

Однако следует помнить также о важном положении, присутствующем в работах современных мыслителей, которые подчеркивают необходимость различать свободу, с одной стороны, и ее субъективную ценность — с другой. Скажем, обедневшего донбасского рабочего, семья которого постоянно бедствует, никто не заставляет работать за низкую зарплату — ни закон, ни олигархи, однако эта свобода недорого стоит, ценность ее невелика. Ведь в действительности мы имеем дело с экономическим принуждением, поскольку речь идет о выборе между необходимостью работать на предложенных собственниками монополий непаритетных началах и свободой умереть от голода.

Деятельность современной местной бизнесовой и политической элиты в течение нескольких последних лет была направлена именно на максимальное ограничение пространства свободы, в котором для индивида существует возможность выбора. В условиях острого социально-экономического кризиса, который привел к упадку промышленного Донбасса и поставил на грань физического выживания целые города, пространство, открытое для выбора, оставалось слишком узким. А это открывало огромные возможности для манипулирования сознанием и поведением людей. Ведь чем больше принуждение, тем меньше свобода. Объективные основания для такого принуждения закладывались в течение предшествующей истории развития региона. Гипертрофированная индустриализация привела к формированию так называемых монозаводских городов, вся жизнь в которых концентрировалась вокруг одного или нескольких немногочисленных предприятий. Это создавало ситуацию технологической зависимости работников, из года в год работавших в одних и тех же условиях, приобретавших узкопрофессиональные навыки, закреплявшихся на одном месте. Не было возможности изменить ни направление деятельности, ни место занятости. Это создавало также почти неограниченные возможности для руководителей таких предприятий, превращая их, по сути, в хозяев города, по типу удельных князьков. От их расположения зависели судьбы тысяч людей. Так создавались условия для расцвета патронально-клиентельных отношений, которые на начальном этапе ограничивались скорее патерналистской моделью взаимоотношений, когда директор выступал в роли отца, обязанного заботиться о материальном и социальном благополучии своих работников, требуя за это безусловной лояльности социально-психологического и идеологического характера, поддержки и самоотверженного труда. Таким образом человек становился заложником своих жизненных обстоятельств, фактически крепостным крестьянином.

Завладев в процессе спонтанной или слабо контролируемой приватизации — справедливо получившей в народном лексиконе название “прихвятизации” — большинством промышленных предприятий края, новые хозяева Донбасса поняли ментальность своих работников и не только быстро воссоздали патерналистские отношения на доставшихся им предприятиях, но и придали им новый импульс. В новых условиях становления стихийного, дикого капитализма эта зависимость получила более глубокие и всесторонние формы, охватывая все новые и новые сферы общественной жизни. Так, по мере развития демократических институтов особую значимость приобретала зависимость в сфере политического поведения. Теперь уже расположение патрона стоило клиентам их голосов на выборах и вовлеченности в различные формы политической деятельности, вплоть до фальсификаций и махинаций. Такая вовлеченность в неправовую деятельность на стороне патронов создавала у самих подчиненных иллюзию особо доверительных отношений с боссом и тем самым усиливала их психологическую зависимость.

В таких условиях любое нарушение установленной модели взаимоотношений, при которой патрон может отблагодарить своих клиентов-работников мизерной, но вовремя выплаченной зарплатой, воспринималось как угроза стабильности и привычному порядку вещей. Фобия перед лицом любых изменений усиливалась целенаправленной деятельностью по обострению межрегионального противостояния между “схидняками” и “западниками”, как вторжение враждебных традиций, образа жизни, культуры и языка.

Заключительные наблюдения

Следует отметить, что несмотря на откровенную ставку политиков региона на местную электоральную поддержку, в среде местной элиты так и не сформировались четкие представления о донбасской региональной идентичности. Существенный интеллектуальный потенциал региона и ярко выраженное в среде местной правящей элиты стремление к большей самостоятельности не смогли создать целостного интеллектуального продукта идеологического или мифологического характера, способного всесторонне обосновать претензии Донбасса на автономию. Доктрина федерализма, выдвинутая наиболее радикальной частью региональной элиты, не получила того уровня поддержки в массовом сознании, на который рассчитывает местный политический класс.

Недостает и прочных социальных связей, построенных на чувстве принадлежности к региону, на общих традициях, истории, мифах и героях. Хотя определенные ростки такой региональной культуры появились в советское время и позже закрепились в сознании донбассцев. В частности, речь идет о профессиональном празднике шахтеров, который превратился в общерегиональный. Еще одним символом региона в последнее время стал футбольный клуб “Шахтер”. Однако понятно, что для формирования прочных социальных связей, чувства принадлежности и солидарности этого явно недостаточно.

В целом усиление регионализма и центробежных тенденций в Донбассе служит рельефным свидетельством фиаско — по крайней мере, временно — проекта украинского правящего класса по созданию политической или гражданской нации в Украине, без которой само существование государства становится проблематичным. В значительной мере именно наличие довольно прочной региональной идентичности Донбасса, имеющей изоляци-

онистский и домодерный характер, способствовало сохранению системы патронально-клиентельных отношений и авторитарного режима управления, утверждению олигархии, накоплению преимуществ у правящей местной элиты в противовес усилению депривации и социальной эксклюзии среди широких слоев населения. В таком виде донбасская региональная идентичность продолжает тормозить развитие гражданского общества со свойственными ему разветвленными горизонтальными связями и развитым социальным капиталом. Наряду с этим под влиянием глобальных импульсов и все более широкого и интенсивного вовлечения региона в процессы экономической и социокультурной глобализации происходят глубокие, пока еще малозаметные изменения в природе региональной идентичности. Со временем это сможет придать ей более современную окраску и способствовать развитию зрелого гражданского сознания, присущего политической нации. Однако трансформация в этом направлении предполагает становление институтов гражданского общества, имеющих мощный модернизационный потенциал, а значит, и проведение системных реформ во всех сферах общественной жизни. Эти реформы должны быть нацелены на интeриоризацию лучших европейских цивилизационных практик с одновременным сохранением наиболее ценных и жизнеспособных компонентов региональной модели общественной самоорганизации.

Литература

1. *Макеев С.А., Оксамитная С.Н., Швачко Е.В.* Социальные идентификации и идентичности. — К., 1996.
2. *Макеев С., Патракова А.* Региональная спецификация социокультурных различий в Украине // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2004. — № 3. — С. 109–125.
3. *Мальгин А.* Украина: Соборность и регионализм. — Симферополь, 2005.
4. *Сытник Е.* Почему я не за Я, или подсказки большого города // Зеркало недели. — 2004. — 13 ноября; *Тертычный А.* Почему мне так дороги “донбасяне”. Субъективные наблюдения на малой родине // Зеркало недели. — 2005. — 12 марта.
5. *Андерсон Б.* Уявлені спільноти. — К., 2001.
6. *Крылов М.П.* Региональная идентичность в историческом ядре Европейской России // Социологические исследования. — 2005. — № 3. — С. 13–23.
7. *Шкаратан О.Н.* Информационная экономика и пути развития России // Мир России. — 2002. — № 3. — С. 12–15.
8. *Куромія С.* Свобода і терор в Донбасі. — К., 2004.
9. *Портнов А.* Свобода та вибір на Донбасі // Критика. — 2005. — № 3. — С. 17–20.
10. *Таран С.* Восток — Запад: одним хлеба, другим зрелищ // Зеркало недели. — 2005. — 12 марта.
11. *Грицак Я.* Виступ на Міжнародному Конгресі українців в м. Донецьку 30 червня 2005 року.
12. *Мартинюк І.* Криза довіри до владних структур як перманентний стан суспільної свідомості // Українське суспільство 1994 — 2004. Моніторинг соціальних змін / За ред. В.Ворони, М.Шульги. — К., 2004. — С. 254–262.
13. *Berlin I.* Two Concepts of Liberty // Four Essays of Liberty. — Oxford, 1969.
14. *Латин Н.И.* Ценности населения и реформы в кризисной России // Социологические исследования. — 1993. — № 9. — С. 20–25.
15. *Дарендорф Р.* У пошуках нового устрою. Лекції на тему політики свободи у ХХІ столітті. — К., 2006.